

УДК 81'37; 003; 81'22

## СЕМАНТИКА СЛОВА И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА (синхронно-диахронический аспект)

© 2014 г.

*Р.И. Хашимов*

Елецкий госуниверситет им. И.А. Бунина

hashrai@yandex.ru

*Поступила в редакцию 13.09.2013*

Рассматривается история функционирования в русском языке сложного слова *пешеход*, семантика которого в процессе своей эволюции отражала различные картины мира, в то же время на протяжении значительного промежутка времени лексема сохраняла свою ядерную сему.

*Ключевые слова:* семантика, слово, дериват, многозначность, эволюция, древнерусский язык, агентивное значение, локативное значение, картина мира.

Язык обладает удивительным свойством: его основная единица – слово – может сохраниться тысячелетия, но в его семантической структуре в разные эпохи могут отразиться различные картины мира. Раскрыть эти картины мира позволяет не только эволюция самого слова, но и его родственники – однокоренные слова, а также лексические единицы в составе единого семантического поля.

Ранее высказывалось мнение, что «исследования, в которых один и тот же материал (в нашем случае – словообразовательный) рассматривался бы одновременно с синхронной и диахронической точек зрения, весьма немногочисленны. Синхронное и историческое словообразование изучались изолированно друг от друга, и это оставляло в стороне интересные теоретические проблемы соответствия или несоответствия синхронных связей и исторических процессов» [1, с. 5]. Данное замечание можно считать справедливым, особенно в эпоху тотального интереса к когнитивным исследованиям, когда собственно лингвистический аспект зачастую растворяется в культурологических размышлениях. Если несколько расширить мысль И.Г. Улуханова, то можно сказать, что диахронический аспект когнитивных исследований лингвистических единиц не представлен вовсе, хотя и предпринимаются подобные попытки [2]. В то время как такие лингвистические единицы, как полисемантическое слово или словообразовательное гнездо, представляют собой изменчивый, динамический продукт. Вряд ли их рассмотрение в синхроническом аспекте [3] отразит полную картину мира, поскольку лексико-семантические варианты слов, члены словообразовательного гнезда не возникают одновременно. Они могли возникнуть только в ходе их

эволюции, могли появляться или исчезать, так как являются продуктом диахронии. Попутно заметим, что синхронно-диахронический подход (с иной терминологией, соответствующей эпохе) был осуществлен автором этих строк еще в 1971–1973 годах при рассмотрении нескольких лексико-семантических гнезд слов (свое понимание данного термина мы не раскрываем, так как это не входит в задачу данной статьи, и отсылаем к указанным ниже работам) с корневой вершиной *реб-* (*робѣъ, ребенок, ребята, ребеночек* и т. п.), *дев-* (*дѣвѣ, девка, девочка, девица* и т. п.), *дет-* (*дѣтъѣ, дитя, детка, деточка, детушки* и т. п.), *мал-* (*малѣъ, малец, малица, мальчик, мальчонок* и т. п.) и др., обозначающих несовершеннолетних детей в русском языке, начиная с древнерусской эпохи. Взаимоотношения членов словообразовательного гнезда рассматривались в трех хронологических срезах – в XI – XIV, XVII – XVIII и XIX – XX вв. В ходе исследования были выявлены не только изменения в лексико-семантических группах слов, в структуре слова, морфем, в межморфемных отношениях, но и семантические преобразования лексем, связанные с изменением языкового сознания носителей русского языка [4, 5].

Рассмотрим эволюцию семантики слова *пешеход*, корневые морфемы которого связаны с древнейшим концептом «Движение». По свидетельству В.И. Абаева, сложные слова относятся к категории древнейшей лексики во многих языках мира [6], принципы их возникновения и существования в типологически разных языках мира ждут еще своего решения.

Мотивирующими единицами лексемы *пешеход* являются *ходить* и *пеший*. Можно полагать, что данная единица репрезентирует древнейшее

концептуальное значение «субъект – предикат – средство» и обладает семантикой «тот, кто передвигается при помощи ног»: ср. «и.-е. \*sed- с синкретическим значением «передвигаться, сидя в повозке», откуда затем развились два самостоятельных значения: 1) \*sed- «сидеть» и 2) \*sed- «ходить, идти» (Фасмер IV, 1973: 253). Таким образом, в языковом сознании древнейшего человека существовало представление о способе передвижения, зафиксированного корневой морфемой \*sed-. Вторая часть лексемы *пешеход* представлена морфемой *пеш-*, восходящая к индоевропейской корневой морфеме \*ped- «нога, ступня» [7, т. III, с. 257; 8, с. 29; 9, с. 337;].

Факт прямохождения человека и использования задних конечностей для передвижения отразился в слове *пеший*, зафиксированном письменными памятниками русского языка еще в XI столетии. Существующие исторические словари фиксируют факт, что лексема *пеший* в древнерусском языке уже была полисемантической, она использовалась для обозначения не только признака, но и предметности лица, т. е. в агентивном значении.

В своих истоках слово *пеший* раскрывает следующую картину мира. Оно имеет значение «передвигающийся на ногах», «идуший» [8, с. 29], т. е. имплицитно противопоставляется едущему или плывущему человеку. Таким образом, в сознании древнерусского человека было важным подчеркнуть сам способ передвижения, что составляет прототип или семантическое ядро концептуального поля «Движение».

Как репрезентант слово *пеший* уже отражает сложную картину языковой жизни восточных славян. По сравнению с этимологическим содержанием в древнерусскую эпоху семантическое поле этого слова расширилось, оно обозначало уже не только человека, идущего пешком, но и пешего воина. Данное значение отмечено в Лаврентьевской летописи: *Володимерко же раставлялъ бяше дружину свою на бродѣхъ, индѣ пѣшуи, а индѣ конники»* [10, с. 1792]. Следовательно, ко времени написания летописи (XIV в.), сохраняя первичную, ядерную сему «способ передвижения», слово *пеший* расширяет представление о человеке, который не только (1) движется пешим ходом, но и (2) вооружен. В структуре слова возникает новая семантическая оппозиция, связанная с новой картиной мира, – вооруженный/безоружный. Одновременно сохраняется оппозиция с иным способом передвижения и возникает противопоставление пешего воина конному.

Столь сложная мозаика языковой картины мира обусловлена полисемией слова *пеший*.

Многозначность древнерусского слова *пеший* оказала влияние на возникновение других однокоренных лексем со значением лица. Номинатив *пешец* образован при помощи суффикса *-ькъ>-ьць>-ец* от *пеший* (ср. сербскую и хорватскую лексему *пешѡк* «пешеход», болг. *пешак* «пешеход»). По данным словаря И.И. Срезневского, он унаследовал в качестве агентивного деривата значение «пешеход» производящей единицы *пеший*, а во мн. числе в форме *пешьци* приобрел сему «пехота, пешее войско». Необходимо отметить, что составители БАС-17 и Словаря русского языка XI–XVII вв. указывают, что слово *пешец* является однозначным и обозначает только пешего воина. В этом значении оно использовалось вплоть до XVII в.: *Пятерьца полководцов и под ними четьреста пешец и двести конник и оруженосцов* триста [11, с. 41]. Данное слово в качестве синонима к слову *пехотинец* приводится и в словаре В. Даля, но с пометой «црк.», т.е. указывая на сужение сферы употребления и, следовательно, устаревающий характер использования лексической единицы *пешец* в XIX столетии [12, т. 3, с. 1447].

В качестве синонимичного слова в аналогичных значениях было создано и сложное слово *пешеход*. Оно в письменных памятниках фиксируется как имеющее хождение в речи с конца XIV века в значении: 1) «тот, кто идет, ходит пешком»: *«А мыта съ воза по дензе, а с пѣшехода мыта нѣт»* и 2) «пеший воин, голец»: *Про мой приѣздъ к вамъ... писали съ пѣшеходом, которого послали от себя съ грамотою къ цесарскому величеству о моемъ приѣздѣ»* [11, с. 41]. Однако то, что оно зафиксировано как полисемантическое слово, свидетельствует о более древнем происхождении. Семантика данного слова указывает, что в языковой картине мира древнерусского человека отразился не только сам факт ходьбы, но и отсутствие коня, лошади при передвижении, в военных походах. Дальнейшее развитие семантики привело к расширению ее объема: по данным словарей, отражающих реалии древнерусской эпохи, лексема *пешеход* использовалась и при обозначении крестьянина, который не имел лошади для сельскохозяйственных работ, что зафиксировано как в словаре И.И.Срезневского, так и в Словаре русского языка XI–XVII вв. В дальнейшем возникло производное слово *пешеходец*, которое стало использоваться в значении «безлошадный работник, крестьянин», как и слово *пешеход*.

Тождество лексико-семантических вариантов слов *пешеход* и *пешеходец* приводило к «конкурентной» борьбе за место в системе языка для обозначения того или иного лица, так как язык

не терпит дублетности. Возникают семантические условия для дифференциации агентивного значения слова *пешеход* и его деривата *пешеходец*. Ср.: *А пошлины съ семьи шесть денегъ, съ пѣшеходовъ два алтына, а с одного не имати;* и *А пѣшеходцемъ изъ сель къ празнику рожь молоти и хлѣбы печи* [10, с. 1791]. По «Материалам для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского можно полагать, что дифференциация значений «пешеход», с одной стороны, и «пеший воин» и «безлошадный работник, крестьянин», с другой стороны, у слов *пешец* и *пешеходец* в XX столетии привело к окончательной утрате последних лексем в активном словаре русского языка.

Значение «тот, кто идет пешком» слова *пешеход* отмечается в словаре В.И. Даля как основное, противопоставленное тому, кто едет на чем-л.: *Мостовая для ездоков, а плитняк для пешеходов* [12, т. 3, с. 1447]. Данное толкование В.И. Даля примечательно тем, что отражает новое представление в языковой картине мира: для пешехода определяется специальное место для передвижения в черте города – обочина улицы, площади, так как дорога перестает быть общим местом для идущих пешим ходом и передвигающихся на каком-либо транспорте. Ядерная сема «способ передвижения» сохраняется, но возникает новое противопоставление людей по способу передвижения в пределах города. Утрачивается сема противопоставления по сфере передвижения – воде или воздуху. В последнем примере В. Даль впервые указывает, но не выделяет как отдельное название места, отведенного для пешеходов, *плитняк*. Это слово в данном значении никак не отражено не только в словообразовательном гнезде словарной статьи *плита*, но и в остальных толковых словарях русского языка. Семантическая структура лексемы *пешеход* расширяется за счет представления о пешеходе как городском жителе, передвигающемся пешком в специально определенном месте – тротуаре, который В.И. Даль обозначает словом *плитняк*. Таким образом, в сознании русского человека возникает новая картина представления о пешеходе: он теряет обобщенный образ человека, передвигающегося при помощи ног, при этом различаются два типа пешего человека – путника и пешего жителя города, передвигающегося при помощи каких-либо средств – лошади, повозок, карет и т.п., а затем и на механических средствах передвижения – автомобиле, трамвае, троллейбусе, метро.

Об активном поиске слова для обозначения места передвижения, хождения людей по обочинам дороги, площади в городской черте свидетельствуют желание министра народного

просвещения Алекс. Семен. Шишкова ввести русские слова. Он считал, что «тротуары должны называться *пешниками*» или *топтальщиками* (Новые слова ... Век XIX-й). А.С. Пушкин не без иронии пишет, что в словаре А.С. Шишкова наряду со словами *шаротык* и *топтальщик* могло бы найти отражение вместо слова *либерал* лексема *вольнлюбивый*, вычеркнутая цензурой [14, 9, с. 33].

Историки отмечают, что реалья, обозначающая место для пеших людей в черте города, существовала с древнейших пор: «римляне, греки и славяне устраивали тротуары из квадратных естественных каменных плит», «200-метровый отрезок такой дороги с тротуарами и мелиоративными рвами, прекрасно сохранившийся и датируемый I веком до н.э., был обнаружен итальянскими археологами в горах в окрестностях Абрुццо» [15]. Необходимость номинации специальной дорожки на улице, предназначенной для пешеходов, возникла не сразу, так как ширина улицы использовалась одновременно и пешими, и теми, кто пользовался гужевым транспортом. Это ярко представлено на картине А. М. Васнецов «Улица в Китай-городе. Начало XVII века», поскольку «лишь главные московские улицы имели бревенчатые мостовые и дощатые тротуары, прочие улицы тонули в грязи». [16]. Однако в языковом сознании русского человека все еще не сложилось представление о месте для пешеходов как обязательном атрибуте всех городских улиц. Тротуары каменные, плиточные, бревенчатые, дощатые были присущи только центральным, главным улицам города. Именно это обстоятельство не позволило найти соответствующее обозначение для специальной дорожки пешего жителя города.

*Вместе с тем В. Даль приводит целый синонимический ряд к слову тротуар: настилка, мостовая для пешеходов, по бокам улицы; плитняк, пешая, ходовая, обочина. В. Даль указывает на источник заимствования лексемы тротуар – французский язык, а также на фонетический вариант лексемы протувар, давая помету «каз.». Говоры создают и другое однокоренное слово пешеходня со значением «на мосту, боковой путь для пеших» [12, т. 3, с. 1448].*

В словаре В. Даля **не зафиксировано** употребление слова *пешеход* в локативном значении, хотя имеются косвенные указания. Эволюция слова *пешеход* показывает, что оно в живом употреблении использовалось и в значении «тротуар». И.А.Бунин в одном и том же произведении «Жизнь Арсеньева» использовал слово *пешеход* как в значении «тротуар», так и в значении «тот, кто идет пешком». Интересна подача этого слова в значении «тротуар»: он использует данную единицу то в кавычках, то без ка-

вычек: *В городе многие улицы казались тесны от садов и тополей, рядами тянувшихся вдоль дощатых «пешеходов», на которых часто можно было встретить гордую грудастую девку в обтянутой по бёдрам плахте, с тяжёлым водоносом на сильном плече.* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева); *Наконец соглашались: пора. И всё-таки не сразу расставались – шли домой ватагой, громко говоря, стуча по пешеходам. Сады спали, таинственно чернели, тепло освещаясь низким светом поздней луны.* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева); *Мы шли вдоль дивных тополей, маслянисто блестящих под солнцем, по горячим доскам пешеходов, под жаркими стенами домов и нагретыми садами; её раскрытый зонтик выгнуло круглыми светлым шёлком в густой синеве* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Во всех примерах использования слова *пешеход* в значении «тротуар» имеется указание, что это место для путников было выложено досками, т. е. везде это деревянный настил, который был известен славянам с давних пор. Именно поэтому в обычном значении «место для пешеходов» в том же произведении И.А.Бунина 8 раз используется лексема *тротуар*: *По вечерам в такие дни город багрово пылал, дымился и вонял плошками, расставленными по тротуарам, дома, украшенные флагами, горели в темноте огненно-сквозными вензелями и коронами, – это, среди моих первых городских впечатлений, одно из самых памятных.* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Локативное значение слова *пешеход*, несомненно свидетельствует о диалектном функционировании этой лексемы с данной семантикой. Интересно, что «Словарь народных говоров» даёт значение «тропинка» как основное, а сему «тротуар» относит к оттенкам значения: «*пешеход, м. Тропинка. По пешеходу много ближе.* Метин. Новг., 1949. || Тротуар. Зап. Брян., 1957». (18, с. 12). Наличие локативного значения слова *пешеход* в произведениях И.А. Бунина, чутко вслушивавшегося в родную речь своих земляков, очевидно, говорит о более широкой изоглоссе его функционирования, чем это зафиксировано в «Словаре народных говоров»: в данном значении оно использовалось не только в западных, но и в южных говорах русского языка [19].

#### Список литературы

1. Улуханов И.Г. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 5–20.
2. Пятаева Н.В. Антропоцентрический и системноцентрический принципы лингвистики в динамиче-

ском исследовании лексических гнезд. Уфа: Гилем, 2006. 280 с.

3. Евсеева И.В. Комплексные единицы русского словообразования: Когнитивный подход. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 312 с.

4. Хашимов Р.И. Лексико-семантическая группа слов, обозначающих ребенка в русском языке // Русское и общее языкознание / Уч. зап. Душанбинского госпединститута им. Т.Г. Шевченко. Душанбе, 1971. Т. 80. С. 48–64.

5. Хашимов Р.И. К вопросу о формировании русской возрастной лексики (историческое формирование и современное функционирование возрастных наименований несовершеннолетних детей): Дис. ...канд. филол. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1973. 178 с.

6. Абаев В.И. Сложные слова – хранители древней лексики // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 75–85.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1964–1973.

8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2: Панцирь – Ящур / 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. 560 с.

9. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1975. 543 с.

10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам: Томь второй. Санктпетербургъ: Типография Императорской Академии наук, 1895. 1802 с.

11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15 (Персть – Подмышка) / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1989. 288 с.

12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1–4. 1903–1907. Том третий. П–Р./ Третье, испр. и знач. доп. издание; под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.–М., Изд. т-ва М.О. Вольф, 1907. 1782 с.

13. Новые слова в русском языке. Век XIX. Вып. 2 // Ворчалка № 301 от 02.01.2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.abhoc.com/arc\\_vr/2005\\_01/301](http://www.abhoc.com/arc_vr/2005_01/301).

14. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М.: Худож. лит., 1977. 462 с.

15. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. [Электронный ресурс]. Пер. с польск. В.К. Ронина. М.: Высшая школа, 1988. 496 с. Режим доступа: <http://www.buduemo.com/building/exterior/8>.

16. Москва конца XVI и начала XVII века: Улицы) <http://www.kuluar.ru/Moscow/MosAr/MosAr6.htm>

17. Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Собрание сочинений: В 9 т. М., 1966. Т. 6. 340 с.

18. Словарь русских народных говоров. Вып. 27. СПб.: Наука, 1992. 400 с.

19. Курносова И.М. Словарь народного языка произведений И.А.Бунина / Изд. 2-е, перераб. и доп. Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2012. 420 с.

**WORD SEMANTICS AND THE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD  
(SYNCHRONOUS-DIACHRONOUS ASPECT)**

*R.I. Khashimov*

The article deals with the history of the functioning in the Russian language of the word *peshekhod* whose semantics in the course of its evolution reflected different views of the world. At the same time, during a considerable time period the lexeme retained its nuclear seme.

*Keywords:* semantics, word, derivative, polysemy, evolution, Old Russian, agentive meaning, locative meaning, view of the world.

*References*

1. Uluhanov I.G. Motivacija i proizvodnost' (o vozmozhnostjakh sinhronno-diahronicheskogo opisanija jazyka) // *Voprosy jazykoznanija*. 1992. № 2. S. 5–20.
2. Pjataeva N.V. Antropocentricheskij i sistemo-centriceskij principy lingvistiki v dinamicheskom issledovanii leksicheskikh gnezd. Ufa: Gilem, 2006. 280 s.
3. Evseeva I.V. Kompleksnye edinicy russkogo slovoobrazovanija: Kognitivnyj podhod. M.: LIBROKOM, 2012. 312 s.
4. Hashimov R.I. Leksiko-semanticheskaja gruppа slov, oboznachajushih rebenka v russkom jazyke // *Russkoe i obshhee jazykoznanie / Uch. zap. Dushanbinskogo gospedinstituta im. T.G. Shevchenko*. Dushanbe, 1971. T. 80. S. 48–64.
5. Hashimov R.I. K voprosu o formirovanii russkoj vozrastnoj leksiki (istoricheskoe formirovanie i sovremennoe funkcionirovanie vozrastnyh naimenovaniy nesovershennoletnih detej): Dis. ...kand. filol. nauk. M.: MGU im. M.V. Lomonosova, 1973. 178 s.
6. Abaev V.I. Slozhnye slova – hraniteli drevnej leksiki // *Voprosy jazykoznanija*. 1983. № 4. S. 75–85.
7. Fasmer M. *Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. T. I–IV. M.: Progress, 1964–1973.
8. Chernyh P.Ja. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremenogo russkogo jazyka*: V 2 t. T. 2: *Pancir' – Jashhur* / 3-e izd., stereotip. M.: Rus. jaz., 1999. 560 s.
9. Shanskij N.M., Ivanov V.V., Shanskaja T.V. *Kratkij jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka*. M.: Prosveshhenie, 1975. 543 s.
10. Sreznevskij I.I. *Materialy dlja slovarja drevnerusskago jazyka po pis'mennym pamjatnikam*: Tom# vtoroj. Sanktpeterburg#: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1895. 1802 s.
11. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* Vyp. 15 (Perst# – Podmyshka) / AN SSSSR. In-t rus. jaz. M.: Nauka, 1989. 288 s.
12. Dal' V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskago jazyka Vladimira Dalja*. T. 1–4. 1903–1907. Tom tretij. P–R./ *Tret'e, ispr. i znach. dop. izdanie*; pod red. prof. I.A. Bodujena-de-Kurtenje. SPb.–M., Izd. t-va M.O. Vol'f, 1907. 1782 s.
13. *Novye slova v russkom jazyke. Vek XIX.* Vyp. 2 // *Vorchalka № 301 ot 02.01.2005 g.* [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [http://www.abhoc.com/arc\\_vr/2005\\_01/301](http://www.abhoc.com/arc_vr/2005_01/301).
14. Pushkin A.S. *Sobranie sochinenij*: V 10 t. T. 9. M.: Hudozh. lit., 1977. 462 s.
15. Vinnichuk L. *Ljudi, nrawy i obychai Drevnej Grecii i Rima*. [Jelektronnyj resurs]. Per. s pol'sk. V.K. Ronina. M.: Vysshaja shkola, 1988. 496 s. Rezhim dostupa: <http://www.buduemo.com/building/exterior/8>.
16. *Moskva konca XVI i nachala XVII veka*: Ulicy) <http://www.kuluar.ru/Moscow/MosAr/MosAr6.htm>
17. Bunin I.A. *Zhizn' Arsen'eva* // *Sobranie sochinenij*: V 9 t. M., 1966. T. 6. 340 s.
18. *Slovar' russkih narodnyh govorov*. Vyp. 27. SPb.: Nauka, 1992. 400 s.
19. Kurnosova I.M. *Slovar' narodnogo jazyka proizvedenij I.A. Bunina* / Izd. 2-e, pererab. i dop. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2012. 420 s.